

© 2014 г.

И.Э. МАГАДЕЕВ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ КАК ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА

Первая мировая война 1914–1918 гг., с которой традиционно ведется начало “короткого двадцатого века”, как его определил британский историк Э. Хобсбаум¹, оказала влияние на разные сферы жизни общества: от военного дела до социальной и культурной деятельности. Эта война принесла с собой невиданные доселе жертвы, она велась с помощью новейших военно-технических средств, вызывавших отторжение у современников как “аморальные” и “бесчеловечные”.

Первая мировая война кардинально изменила геополитическую карту мира. Если ее глобальный характер не вызывает сомнений, можно ли считать ее первой “тотальной войной”? Ответ на этот вопрос позволит не только яснее понять ряд аспектов событий 1914–1918 гг., но и выявить особенности понятия “тотальная война”, точнее определить место Первой мировой войны в истории XX в., в которой она сопоставляется с еще более масштабной трагедией – Второй мировой войной 1939–1945 гг. Тень “тотальной войны” ощущалась на протяжении всего XX в.

Изучение Первой мировой войны с использованием концепции “тотальной войны” перспективно в научном плане, о чем свидетельствуют как дискуссии в зарубежной историографии², так и внимание к исследуемой проблеме отечественных исследователей³. Одна из ключевых сложностей изучаемого вопроса имеет методологический характер: следует определить, что мы понимаем под термином “тотальная война”?

Выступая в 1917 г. перед Сенатом Франции, премьер-министр Ж. Клемансо подчеркнул новый характер войны, с которой столкнулась как Европа в целом, так и Франция в частности: “Мы находимся в состоянии войны, но речь идет не о старых войнах и даже не о современных. Весь мир сражается. Нейтральные государства шпионят, предают. На полях сражений убивают друг друга в масштабах, невиданных до этого”⁴. Обращаясь к сенаторам в ноябре 1917 г. “с единственной мыслью об интегральной войне”, Клемансо призывал к сплочению французов и жесткому преследованию какого-либо намека на предательство (что было особенно актуально ввиду судебных дел, разворачивавшихся вокруг министра внутренних дел Л. Мальви и видного политика Ж. Кайо).

Хотя Клемансо так и не произнес слов “тотальная война”, в 1918 г. крайне правый политический деятель Франции, один из основателей “Аксьон франсэз” Л. Додэ, опи-

Магадеев Искандэр Эдуардович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры Истории и политики стран Европы и Америки Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ.

¹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004.

² Mulligan W. Review Article. Total War. – War in History, 2008, v. 15, № 2; Kitchen J.E., Miller A., Rowe L. Introduction – Other Combatants, Other Fronts: Competing Histories of the First World War. Cambridge, 2011.

³ Ходнев А.С. “Великая война” в зарубежной историографии: концепция тотальной войны. – Преподавание истории в школе, 2000, № 10; Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007.

⁴ Clemenceau G. L’antipatriotisme devant le Sénat: discours prononcé le 22 juillet 1917. Paris, 1917, p. 11.

раясь на тезисы Клемансо, в книге “Тотальная война” ввел это понятие и дал ему такое определение: “Это расширение борьбы... на сферы политики, экономики, торговли, промышленности, интеллектуальной жизни, права, финансов. Сражаются не только армии, но и традиции, институты, обычаи, законы, умы и, в особенности, банки. Германия мобилизовалась во всех указанных отношениях, по всем этим пунктам”⁵.

Несмотря на то, что термин “тотальная война” появился во Франции, популярность ему обеспечила изданная в 1935 г. одноименная брошюра бывшего генерал-квартирмейстера Верховного командования германских сухопутных сил в Первую мировую войну генерала пехоты Э. фон Людендорфа. Для Людендорфа “тотальная война” была связана с полным подчинением всех задач государства и общества достижению победы. Это своего рода идеальное положение дел, когда тыл и армия, руководимые железной волей военного командования, прикладывают все силы для достижения решающей победы⁶. Прежде войн, в которые вовлекались бы все ресурсы нации, причем объем их постоянно возрастал, не было. Во “всеобщности” и “всеохватности” суть тотальной войны. Это мнение было распространено в 1930-е годы.

“Тотальной” многие считали Вторую мировую войну. Таковой ее называли не только современники (как говорил в 1943 г. британский премьер-министр У. Черчилль, “современная война есть тотальная война”), но и последующие исследователи⁷. Вместе с тем, это определение не всегда было подкреплено четкими аргументами: термин скорее использовался для того, чтобы подчеркнуть масштаб войны, ее разрушительность и жертвы.

После 1945 г. в историографии укореняется представление о том, что война 1914–1918 гг. была первой “тотальной войной”, в то время как в 1939–1945 гг. мир пережил вторую “тотальную войну”⁸. Наиболее подробное изучение исследуемого вопроса было предпринято в ходе международной конференции исследователей истории Первой мировой войны в Швейцарии в 1996 г. в рамках масштабного интернационального проекта по анализу проблемы “тотальной войны”, начиная с Гражданской войны в США 1861–1865 гг. и заканчивая Второй мировой. Это исследование Первой мировой войны показало, что вопрос о ее “тотальности” является дискуссионным. Британский историк Х. Стрэчан выступил с идеей о том, что позиционный характер войны превратил воюющие государства в своего рода осажденные крепости, в которых гражданское население было укрыто от большинства бед, переживаемых на фронте⁹. В этом смысле не стала реальностью одна из главных характеристик “тотальной войны” – стирание границ между фронтом и тылом. Общий вывод по результатам конференции 1996 г. был сформулирован американским историком Р. Чикерингом и его швейцарским коллегой Ш. Фёрстером: хотя тенденции к нарастанию “тотальности” в годы Первой мировой войны были налицо, “тотальной” она в итоге так и не стала. Авторы пришли к выводу, что “тотальная война” – это, скорее, веберовский “идеальный тип”, нежели прямое отражение исторической реальности. Военный конфликт может лишь приближаться к “тотальной войне”, но никогда не станет ей полностью¹⁰.

В СССР в 1930-е годы термин “тотальная война” не прижился: слишком уж он “вошел в моду в фашистской Германии”¹¹. В последующем в советской историографии он

⁵ Daudet L. La guerre totale. Paris, 1918, p. 8.

⁶ Ludendorff E. Der Totale Krieg. München, 1935; Людендорф Э. Ведение тотальной войны. – Военный зарубежник, 1936, № 4, с. 12.

⁷ A World at Total War. Global Conflict and the Politics of Destruction, 1937–1945. Cambridge, 2005.

⁸ Neilson K. Total War. Total History. – Military Affairs, 1987, v. 51, № 1; Bourne J. Total War I. The Great War. – The Oxford Illustrated History of Modern War. Oxford, 1997.

⁹ Strachan H. From Cabinet War to Total War. The Perspective of Military Doctrine, 1861–1918. – Great War, Total War. Combat and Mobilization on the Western Front, 1914–1918. Cambridge, 2000.

¹⁰ Chickering R., Förster S. Introduction – The Shadows of Total War. Europe, East Asia, and the United States, 1919–1939. Cambridge, 2003, p. 6.

¹¹ Военный зарубежник, 1936, № 4, с. 1.

применялся, главным образом, в негативном смысле, так как связывался с агрессивной политикой нацистской Германии и фашистской Италии¹². Вместе с тем, советские военные специалисты отмечали, по сути, те же тенденции к “тотализации” войны, что и за рубежом. М.Н. Тухачевский в 1926 г. подчеркивал, что “современные войны ведутся, конечно, не отдельными армиями, а всей страной в целом, всеми силами и средствами”; схожие идеи высказывал и Б.М. Шапошников¹³. В советской военной печати употреблялся термин “полная война”, подразумевавший вооруженное противоборство, которое “государство ведет, напрягая все свои средства, необходимые для создания и питания вооруженных сил, для снабжения их всеми необходимыми техническими средствами”¹⁴.

Чтобы выяснить, была ли Первая мировая война “тотальной”, разделим характеристики “тотальности” войны на три основные группы (по сущности, по характеру и способам ведения, по последствиям) и проанализируем историю Первой мировой войны в соответствии с ними.

Ключевая проблема сущности “тотальной войны” в “рационализации” применения насилия, и, как следствие, в перераспределении властей – от военной к политической. Как отмечал отечественный военный историк А.А. Строков, “в ведении Первой мировой войны возросла роль политического руководства, влияние политики на стратегию, политики стран коалиции на координацию вооруженной борьбы”¹⁵. Афоризм Клемансо “война – слишком серьезное дело, чтобы доверять ее генералам”, в целом, верно характеризовал ситуацию как во Франции, так и в Великобритании. Клемансо, наследник якобинской традиции жесткого политического контроля над военными, рассматривал генералов как исполнителей стратегических решений, а не людей, их принимающих. Когда в 1919 г. главнокомандующий союзными силами маршал Ф. Фош попытался через голову Клемансо “продать” свою концепцию безопасности Франции (военная граница по Рейну), не поддерживаемую на тот момент премьером, последний жестко напомнил маршалу о принципах руководства внешней политикой страны и в итоге добился своего¹⁶.

Британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж стоял на схожих позициях: “Не военные специалисты, а именно правительства должны принять на себя ответственность за политическое и стратегическое ведение войны”¹⁷. Командующий британскими войсками на континенте фельдмаршал Д. Хейг всячески этому сопротивлялся, в ноябре 1917 г. утверждая в письме жене, что он будет следовать своей линии, несмотря на попытки премьер-министра “не обращать внимания на меня и мои взгляды в отношении военных планов”¹⁸. Подобное “упорство” часто приводило к негативным для Великобритании последствиям: в 1914–1916 гг. не лучшим образом работал не только механизм рационального распределения людских ресурсов между фронтом и тылом, но и тормозились шаги по дальнейшей координации военных усилий стран Антанты (в частности, создание поста главнокомандующего ее вооруженными силами, против чего выступал Хейг). В целом, к началу Второй мировой войны британские военные, усвоив уроки 1914–1918 гг., были готовы признать необходимость правительственного контроля. “Тотальная война не является делом одних военных сил... Ясно, что Черхов-

¹² Начальный период войны. М., 1974, с. 51–53.

¹³ Тухачевский М.Н. Избранные произведения, т. 1. М., 1964, с. 247; Шапошников Б.М. Воспоминания. М., 1982, с. 493.

¹⁴ Будкевич С. Чему нас учит первая империалистическая война? – Военный вестник, 1934, № 7, с. 19.

¹⁵ Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974, с. 599.

¹⁶ King J.C. Foch versus Clemenceau. Cambridge, 1960.

¹⁷ Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. М., 1934, с. 612.

¹⁸ Travers T. How the War Was Won. Command and Technology in the British Army on the Western Front, 1917–1918. London, 1992, p. 34.

ное командование в войне... должно консультироваться с американским и британским правительствами почти по каждому важному вопросу”, – говорилось в меморандуме британского Комитета начальников штабов ноября 1943 г.¹⁹

Германия представляла собой исключение в распределении власти между правительством и военными. По словам рейхсканцлера Т. Бетман-Гольвега, имперское правительство начиная с 1916–1917 гг. подчинилось “диктатуре” Генштаба²⁰. Проявлением доминирования военных было не только “продавленное” ими, вопреки воле правительства, решение о начале в 1917 г. “неограниченной подводной войны”, но и “программа Гинденбурга” 1916 г., названная по имени начальника кайзеровского Генерального штаба генерал-фельдмаршала П. Гинденбурга и представлявшая собой, по словам германо-канадского историка Х. Хельвига, “теоретический образ тотальной войны”. Эта программа требовала направления всех усилий государства на производство вооружений и военных материалов. Скучные природные ресурсы Германии, ограниченные возможности для реализации продукции во время войны толкали к строгому распределению сырья, продуктов и топлива и т.д., что, естественно, вело к централизованному регулированию хозяйственного организма. “Программа Гинденбурга” предусматривала резкое сокращение производства для гражданского потребления.

Однако эта программа была трудно выполнима: главный ее недостаток “заключался в неспособности Верховного военного командования или иной организации осуществлять необходимый контроль. Решение направить все имевшиеся ресурсы на производство артиллерии и пулеметов перекрыло потенциальные пути для развития танков и противотанковых орудий. Программа не сделала ничего для рационализации производства вооружений”²¹. “Программа Гинденбурга” требовала изъятия людской силы из вооруженных сил на заводы, что привело к тому, что в 1918 г. Германия имела огромные запасы вооружений, но испытывала недостаток в солдатах. Попытка германских военных установить “тотальный контроль” в стране была неудачна и обернулась “тотальным хаосом”: карточной системой, “черным рынком”, колоссальной инфляцией, голодом, что в итоге и привело к революции 1918 г.

В целом, сохранение политического контроля над процессом ведения войны обеспечивало его определенную “рационализацию”, что служило препятствием для перерастания ее в “тотальную”. Однако и политическое руководство воевавших государств также способствовало росту тенденций к “тотализации” войны, прежде всего, за счет расширения собственных военных целей.

Чем больше воюющие государства несли потерь, чем более бескомпромиссно они вели боевые действия, тем более широкие военные цели они развивали и тем “тотальнее”, в свою очередь, становилась война. В конце 1914 г. Бетман-Гольвег, развивая идею заключения сепаратного мира Германии с одной из держав Антанты и выступая против заключения общего мира, подчеркивал, что условия последнего “покажутся народу абсолютно недостаточными ввиду понесенных потерь”²². Программа “широких военных целей” использовалась как во внутри-, так и во внешнеполитических целях. Германское руководство в ходе войны “все больше склонялось к наличию прямой зависимости между военными целями и реформами. Победа и достижение военных целей устраняло требование реформ, в то время как поражение и неудача в достижении военных целей приводят к реформам, если не революции”²³. В Великобритании и Франции в 1917–

¹⁹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. Washington, 1961, p. 297.

²⁰ *Renouvin P.* Histoire des relations internationales. Paris, 1994, v. 3, p. 407.

²¹ *Zabecki D.T.* The German 1918 Offensives. A Case Study in the Operational Level of War. New York, 2006, p. 74.

²² *Goemans H.E.* War and Punishment: the Causes of War Termination and the First World War. Princeton, 2000, p. 85.

²³ *Farrar L.L.* The Short-War Illusion. German Policy, Strategy & Domestic Affairs, August – December 1914. Santa Barbara, 1973, p. 44.

1918 г. в условиях нарастающей усталости от войны шла масштабная пропагандистская кампания, одним из лейтмотивов которой был “акцент на демократии и различных военных целях (раз обязательство достижения тотальной победы было полностью принято)”²⁴.

Широкие военные цели использовались не только для консолидации общества внутри воюющих государств, но и сплочения сражающихся коалиций. “Понимание”, проявляемое в отношении масштабных целей союзника, было важным инструментом укрепления своего лагеря. Весной 1917 г. после свержения самодержавия в Российской империи дипломаты Антанты особенно благоприятно относились к давним претензиям России на Константинополь. Важным для Антанты было то, чтобы Россия оставалась “в строю союзников” и вела активные боевые действия на своем фронте. “Побудительной силой русских наступательных операций” было, по словам посла США в Петрограде Д. Френсиса, обещание “овладеть контролем над Дарданеллами и войти во владение Константинополем”²⁵.

Таким образом, расширение военных целей, являясь катализатором “тотализации” войны, одновременно могло использоваться как инструмент консолидации внутри государств и их коалиций.

Политика расширения военных целей для оправдания перед обществом новых жертв была эффективна не всегда. В 1917 г. широкомасштабные планы министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милокова на фоне все большей усталости России от войны выступали скорее раздражителем, чем инструментом сплочения общества: “Запад и Милоков жили как бы в одном измерении, а революционный Петроград – в другом”²⁶. С критикой растущих по ходу войны целей Франции в отношении Германии выступал в Великобритании в 1918 г. лейбористский депутат Ф. Сноуден, требуя разъяснений, сражаются ли союзники “за изначальные военные цели... или за военные цели, которые были серьезно и необоснованно расширены”²⁷.

Помимо внутренних “барьеров”, “тотализации” войны препятствовали и некоторые особенности межгосударственных отношений в 1914–1918 гг. Исследователи указывали на то, что предвоенная поляризация системы международных отношений путем формирования двух противоположных лагерей являлась важным фактором на пути к войне, снижала возможности локализации конфликтов. По мнению американского политолога Дж. Васкеса, поляризация международных отношений, в целом, усиливала опасения государств в отношении друг друга, приводила к концентрации на взаимных противоречиях при невнимании к точкам совпадения интересов, лишала возможности посредничества со стороны одной из ведущих стран, наконец, способствовала “разрастанию” войны и вовлечению в нее многих других государств²⁸.

Поляризация сил влияла на восприятие друг друга враждующими сторонами. По мере разрастания пожара войны усиливалась “демонизация” противника. Официальной пропагандой воюющих стран создавался образ жестокого антигуманного врага, чуждого общечеловеческим ценностям; распространялись призывы к “смертельной схватке” между двумя противоположными и несовместимыми лагерями²⁹. В России при царском дворе были люди, которые уже в августе 1914 г. утверждали, что “война, которая теперь начинается, есть дуэль насмерть между славянством и германизмом”³⁰. Для создания

²⁴ *Horne J.* Introduction: Mobilizing for ‘Total War’, 1914–1918. – *State, Society and Mobilization in Europe during the First World War.* Cambridge, 1997, p. 15.

²⁵ *Уткин А.И.* Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск, 2000, с. 350.

²⁶ Там же, с. 330.

²⁷ *Parliamentary Debates, House of Commons, 16.V.1918, ser. 5, v. 106, col. 618.*

²⁸ *Vasquez J.* The War Puzzle. Cambridge, 1993, p. 168, 257.

²⁹ *Сенявская Е.С., Миронов В.В.* Человек на войне: “свои” и “чужие”. – *Мировые войны XX века*, кн. 1. М., 2002, с. 519–537.

³⁰ *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991, с. 66.

представления о “германских варварах” во Франции активно распространялись мифы о зверствах противника (“отрубленных немцами руках французских детей”), сведения о страшных разрушениях, нанесенных германской армией бельгийскому городу Лувен, и уничтожении университетской библиотеки. Широкой огласке придавались факты разрушения и вывоза в Германию оборудования промышленных предприятий северо-востока Франции³¹. Британские газеты, в свою очередь, взяли на вооружение образ немцев как “орды гуннов”.

Однако Первая мировая война не полностью ликвидировала связи и механизмы солидарности, существовавшие между европейскими политическими элитами до 1914 г. Немаловажной в этом отношении является история миссии Красного Креста к австро-венгерским военнопленным в России. В эти миссии входили представительницы аристократических семей Австро-Венгрии, имевшие связи, нередко – родственные, со знатью Российской империи, что обеспечивало возможность облегчения положения своих соотечественников в плену. Этот факт был отражением “староевропейской, аристократической солидарности, связывавшей между собой три империи, воевавшие друг с другом”³².

В целом, несмотря на накал идеологического противостояния между воюющими странами, в 1914–1918 гг. гуманитарная ситуация кардинальным образом отличалась от Второй мировой войны 1939–1945 гг. Если в Первую мировую войну полное физическое уничтожение не угрожало ни одному народу (кроме армян, истребление которых осуществляла Турция), то во Второй мировой войне нацистский режим Германии ставил своей целью уничтожение целых этнических групп: евреев Европы (“окончательное решение еврейского вопроса”), цыган, некоторых славянских народов. Нацистский Генеральный план “Ост”, хотя и частично основывался на идеях, высказывавшихся в Первую мировую войну (например, Пангерманским союзом в “Меморандуме о целях войны” в сентябре 1914 г.), намного превосходил все имевшиеся к тому времени документы по масштабам и степени предполагавшегося уничтожения народов³³. Нацистская идеология отменяла в этом смысле любые рациональные ограничения, сдерживавшие “тотализацию” войны³⁴.

Таким образом, по своей сути Первую мировую войну сложно назвать “тотальной”. Политический контроль за ее ведением, определение системы военных целей, хотя и имевших тенденцию к расширению, но уходивших корнями в традиционные для каждой из держав запросы, делали из этой войны “продолжение политики иными средствами”, ранее невиданными по своим поражающим факторам и масштабам применения. Сдерживанию тенденций к “тотализации” Первой мировой войны способствовало сохранение определенных “барьеров” на пути ее разрастания – отсутствие радикальных “идеологий различия”, наличие механизмов солидарности между элитами, наличие общих моральных и религиозных ценностей.

Была ли Первая мировая “тотальной” по характеру и способам ведения? Именно на этом измерении “тотальности” войны 1914–1918 гг. делали акцент как современники, так и последующие исследователи, подчеркивая, что “тотальная война” требует мобилизации усилий всего общества, стирает границы между тылом и фронтом. Еще в конце XIX в. высказывалась мысль об общенациональном характере будущей войны, о необходимости задействовать в этой войне ресурсы всей “вооруженной нации”. В 1883 г. один из идейных предшественников концепции “тотальной войны”, глава германской

³¹ *Horne J.* Les mains coupées, “atrocités allemandes” et opinion française en 1914. – Guerre et cultures. Paris, 1994.

³² *Rachamimov A.* “Female Generals” and “Siberian Angels”: Aristocratic Nurses and the Austro-Hungarian POW Relief – Gender and War in Twentieth-Century Eastern Europe. Bloomington, 2006, p. 23–46.

³³ *Пикер Г., Хаффнер С.* План “Ост”. М., 2011, с. 222–251; *Мейер К.* Генеральный план “Ост”. Берлин – Далем, 28 мая 1942 г. М., 2012.

³⁴ *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996, с. 534–535.

военной миссии в Турции генерал К. фон дер Гольц (Гольц-паша) писал: «Войны в настоящее время сделались совершенно национальным делом»³⁵.

Первая мировая война продемонстрировала, что судьба сражений решается не только на фронте, но и в тылу: «Война не была более лишь делом сражающихся мужчин, битвой лишь армий на каком-то отдаленном театре военных действий. Ношение униформы перестало быть практически единственным критерием несения службы, лишения и страданий. Именно в это время впервые было использовано понятие «домашнего фронта»»³⁶.

Проявлением растущей связи фронта и тыла была проблема снабжения армии оружием, амуницией и боеприпасами. Вскоре после исчерпания предвоенных запасов, накопленных к лету 1914 г., в армиях воюющих государств наступил «снарядный голод», продемонстрировавший зависимость событий на полях сражений от возможностей тыла по производству военных материалов. Обеспечение армии всем необходимым для ведения боевых действий не было делом одних лишь военных – план производства боеприпасов и вооружений охватывал различные отрасли экономики, затрагивал различные политические интересы и концепции ведения войны. В Великобритании важным шагом на пути понимания неразрывной связи между фронтом и тылом стало создание в мае 1915 г. министерства вооружений во главе с Ллойд Джорджем. С этого момента началась «новая фаза в развитии британских военных усилий, в которой логика развития новых государственных институтов давала больше оснований для использования термина «тотальная война»»³⁷.

В России в 1915 г. для распределения заказов и сырья на базе представительных организаций крупной буржуазии были созданы Военно-промышленные комитеты. Координацию всей деятельности по обеспечению обороны осуществляло правительство через руководимые им Особые совещания по обороне, топливу, продовольствию, перевозкам, куда входили представители министерств, предпринимателей и политических деятелей³⁸.

В целом, количество ресурсов, которое общество и государство отдавало на ведение военных действий, становилось все большим. Канадский исследователь Т. Имлэй отмечает возросшую способность государств мобилизовать национальные ресурсы: «В годы Первой и Второй мировых войн основные участники отдавали более 50% своего национального дохода на ведение войны, пропорция, которую не достигали ни до, ни после этого»³⁹.

Тенденция к «тотализации» войны проявлялась не только в усилившейся роли тыла для достижения успехов на фронте, но и в обратном направлении: шло распространение фронтовых проявлений на гражданскую жизнь, иными словами, милитаризация тыла. Эти процессы затрагивали различные группы населения: от солдат, отправленных с фронта в тыл, до обычно не участвовавших в войне женщин. Как отмечал германский историк В. Эккарт, немецких солдат, отправленных в госпитали в связи с психическими расстройствами, вызванными потрясениями, связанными с войной (жуткими артиллерийскими обстрелами, авиационными бомбардировками, отравляющими и удушающими газами), ждали новые испытания. Для военных врачей главной задачей было вернуть солдат на фронт. Для этого использовались такие антигуманные методы, как длительное заключение в помещениях без дневного света, многочасовые холодные ванны, процедуры, причинявшие боль. «Для солдат, особенно тех, кто страдал от эмоционального

³⁵ Гольц К. Вооруженный народ. СПб., 1886, с. 7.

³⁶ Williams J. The Other Battleground. The Home Fronts. Britain, France and Germany, 1914–1918. Chicago, 1972, p. 1.

³⁷ Chickering R. World War I and the Theory of Total War. Reflections on the British and German Cases, 1914–1915 – Great War, p. 46.

³⁸ Хавкин Б.Л. Русский фронт (1916–1918 годы). – Новая и новейшая история, 2014, № 2.

³⁹ Imlay T. Total War. – Journal of Strategic Studies, 2007, v. 30, № 3, p. 553.

напряжения, медицина приносила войну с полем сражений в военные госпитали, здесь медицина открывала второй фронт”⁴⁰.

“Тотализация” войны неизбежно приводила и к расширению списка потенциальных врагов, одним из которых в Великобритании были провозглашены женщины “легкого поведения”. По принятому в августе 1914 г. закону о защите королевства им запрещалось находиться на улицах в вечернее время, в прессе военных лет венерические заболевания описывались как “национальная угроза, настолько же значимая и даже более коварная, чем поражение на море, суше или в торговле”⁴¹.

Приведенные примеры свидетельствуют о важных социальных процессах, начатых Первой мировой войной. Отечественный историк С.А. Покровская подчеркивала роль войны 1914–1918 гг. как поворотной точки в восприятии феномена войны европейскими обществами. Если для XIX – начала XX вв. была характерна вера, “что с развитием общества война исчезнет, что война – это пережиток прошлого, связанный с остатками феодализма, старой монархией, привилегированными сословиями”, то после окончания Первой мировой войны такие мысли уже не высказывались⁴². Напротив, логика “тотальной” войны применялась к гражданской жизни. Если для победы необходимы ресурсы всей нации, те, кто не может внести свой вклад в ее достижение, становятся “ненужными” обществу. Германский психолог Г. Николаи в 1919 г. в книге “Биология войны” писал, что “война защищает слепого, глухого, горбатого, слабоумных, лунатиков, туберкулезников... Все ненужные остатки человеческой расы могут оставаться в покое, никакие пули не угрожают им”⁴³. Именившиеся законы “подгонялись” под условия современных войн. Когда в 1925 г. в Великобритании обсуждался вопрос об отмене смертной казни за воинские преступления, командование армии и военно-воздушных и военно-морских сил поспешило заверить политиков в том, что существует “консенсус мнений... в том, что каторжные работы или заключение будут иметь малый, если вообще какой-либо устрашающий эффект. Напротив, учитывая условия современной войны и тот факт, что нарушитель, согласно гипотезе, считает эти условия практически невыносимыми, сложно понять, как меры, которые переводят его в безопасное место, с определенной перспективой амнистии по окончании войны, могут не быть привлекательными для него”⁴⁴. Тем самым, скорее не логика мирной жизни была перенесена в сферу государственных отношений, о чем мечтали многие люди в Европе до 1914 г., а логика войны стала оказывать прямое влияние на отношения в социуме.

Таким образом, в годы Первой мировой войны наблюдался процесс масштабной концентрации и использования ресурсов государства и общества для военных целей; тенденция к “тотализации” войны в плане характера и способов ее ведения была налицо. Однако ни одно государство не может направлять все имеющиеся у него силы и средства на ведение войны. Часть ресурсов нужна, как минимум, для поддержания дееспособности государства, развития систем, обеспечивающих ведение войны. Чем сложнее такие системы, тем большую часть ресурсов они требуют и препятствуют процессу полной “тотализации”.

Помимо общих причин, в 1914–1918 гг. существовали и специфические факторы, не дававшие войне стать “тотальной”. Речь идет о том, что немецкий военный теоре-

⁴⁰ Eckart W.U. “The Most Extensive Experiment that the Imagination Can Conceive”: War, Emotional Stress, and German Medicine, 1914–1918. – Great War, p. 149.

⁴¹ Grayzel S.R. The Enemy Within: The Problem of British Women’s Sexuality During the First World War. – Women and War in the Twentieth Century. Enlisted with or without Consent. London, 2004, p. 52–64.

⁴² Покровская С.А. Движение против войны и фашизма во Франции в 1932–1939 гг. М., 1980, с. 3–4.

⁴³ Eckart W.U. Op. cit., p. 136.

⁴⁴ Report of the Interdepartmental Committee on Proposed Disciplinary Amendments of the Army and Air Force Acts, War Office, 24.II.1925. – The National Archives of Great Britain (далее – TNA), Cabinet Papers (далее – CAB), 24/172.

тик XIX в. К. фон Клаузевиц называл “внутренними противодействующими силами”⁴⁵. Одним из главных препятствий на пути государств по использованию всех общественных ресурсов в военных целях был “баланс сил” между правительственными возможностями и общественным согласием. В этом смысле “тотальная война” во многом подразумевала и “тотальное государство”. В годы Первой мировой войны его, однако, не возникло.

В 1909 г., размышляя о будущей войне, французский военный теоретик Б. Серрини подчеркивал, что эта война потребует огромных экономических ресурсов. Но, в отличие от британского публициста Н. Энджелла, Серрини полагал, что “не экономические вопросы заставят меч выпасть из рук воюющих сторон”. Война вызовет такие страдания всего населения, что “они спровоцируют, раньше, чем мы думаем, прекращение военных действий”⁴⁶. Первая мировая война продемонстрировала способность европейских государств и обществ претерпевать серьезнейшие лишения. Однако акцент Серрини на роли гражданского общества как преграды на пути “тотализации” войны был, в целом, верен.

В этом смысле был показателен пример Германии. Попытки военного командования путем масштабной системы “патриотического воспитания”, убедить солдат в необходимости борьбы до “решительной победы” не принесли ожидаемого результата (гитлеровская пропаганда в 1944 г. была в этом смысле намного успешнее)⁴⁷. Политика германского правительства по контролю за системой распределения продовольствия в годы Первой мировой войны также натолкнулась на серьезные проблемы, связанные с наличием “черных рынков”. Сравнивая ситуацию с той, что существовала в СССР и в нацистской Германии в годы Второй мировой войны, британский эксперт А. Оффер пришел к выводу: “Кайзеровская Германия не была столь подготовленной (в продовольственном отношении. – *И.М.*), как гитлеровская Германия, так как никогда не планировала долгой войны. Она не могла выдержать лишений, пережитых Советской Россией, так как была намного более открытым обществом, в котором частные интересы могли оказывать значительное влияние. Возможно, это самый главный урок сравнения: он демонстрирует не столько разницу в институциональной организации, сколько различия в характере обществ, в которых они существовали. Нацистская Германия и Советский Союз были намного более жестокими и менее подверженными народному давлению, нежели кайзеровская Германия. Продовольственные проблемы с большим трудом решались в кайзеровской Германии, потому что само общество было менее податливым”⁴⁸.

Препятствием на пути “тотализации” Первой мировой войны по характеру и способам ведения были специфические военные – оперативные и технические факторы. Траншеи позиционной войны стали, как ни странно, своего рода барьером, за которым гражданское население было укрыто от многих ужасов: “Последствием стабилизации фронтов, тем самым, стала защита гражданского населения... В этом отношении замена маневренной войны осадной 1914–1915 гг. имела результатом ограничение войны. Лишь с приходом механизации дороги Европы заполнили потоки беженцев”⁴⁹. Несмотря на трудности позиционной войны, сидение в траншеях принесло и определенное спокойствие (по сравнению с войной маневренной) во фронтовой быт солдат и офицеров. Германский писатель Э. Юнгер так описывал свои фронтовые будни весной 1916 г.: “Каждый вечер я сидел в блиндаже у своего маленького стола и читал или болтал, если кто-нибудь был в гостях... мы пили кофе в блиндаже то у одного, то у другого или

⁴⁵ Клаузевиц К. О войне. М., 1934, с. 2.

⁴⁶ Serrigny B. Les conséquences économiques et sociales de la prochaine guerre d'après les enseignements des campagnes de 1870–71 et de 1904–1905. Paris, 1909, p. 459.

⁴⁷ Förster J. Ludendorff and Hitler in Perspective: The Battle for the German Soldier's Mind, 1917–1944. – War in History, 2003, v. 10, № 3.

⁴⁸ Offer A. The Blockade of Germany and the Strategy of Starvation, 1914–1918: An Agency Perspective. – Great War, p. 187.

⁴⁹ Strachan H. Op. cit., p. 23.

ужинали часто с парой бутылок, курили, играли в карты и вели солдатские беседы... Эти уютные часы в блиндаже... были возможны только в этот длинный, относительно спокойный период на позиции, где мы обжились и обзавелись почти мирными привычками”⁵⁰.

Ограниченные возможности бомбардировочной авиации препятствовали распространению боевых действий на тыл. По подсчетам штаба военно-воздушных сил Великобритании, всего на Британские острова в 1914–1918 гг. германскими самолетами было сброшено 300 т бомб, что привело к гибели 4 тыс. 820 чел.⁵¹ Для сравнения, в годы Второй мировой войны лишь 13–14 февраля 1945 г. на немецкий город Дрезден союзной авиацией было сброшено 6800 т осколочно-фугасных и зажигательных бомб, в результате чего погибло около 25 тыс. чел.⁵² Вместе с тем, образ “тотальной войны” оказывал на людей подчас большее влияние, чем реальность. Бомбардировки тыла противника в 1914–1918 гг. произвели большое впечатление как на мирных жителей, так и на военных и рассматривались как неизбежная черта следующих войн. В Генштабе Красной Армии в 1936 г. отмечали, что “опыт боевой работы авиации в мировой империалистической войне” продемонстрировал: “воздушный флот является грозным родом войск, способным не только взаимодействовать с наземными войсками, но и выполнять самостоятельные действия в глубоком тылу противника”⁵³.

Относительная защищенность гражданского населения в тылу отразилась на статистике потерь. По одному из подсчетов, соотношение потерь военнослужащих и гражданских лиц в 1914–1918 гг. составило 200:1, в то время как в 1939–1945 гг. – 1:1.⁵⁴ Основной урон гражданское население понесло не в ходе боевых действий, а в результате “черного эпизода” Первой мировой войны – эпидемии испанского гриппа (испанки), общее число жертв которой составило около 50 млн. чел.⁵⁵

Наряду с тенденцией к стиранию границ между фронтом и тылом, показательным для анализа “тотализации” войны было отношение к военнопленным. Чем ближе война была к “тотальной”, тем более затруднительным было гуманное отношение к военнопленным, закрепленное в Гаагской конвенции о законах и обычаях войны 1907 г. Жестокость к пленным нарастала по ходу войны. Как отмечал американский исследователь Б. Фелтман, “сдача в плен на Западном фронте была рискованной и не содержала в себе гарантии выживания”⁵⁶.

Имелась, однако, и противоположная тенденция. Между британской и германской стороной в январе 1915 г. было достигнуто соглашение о возвращении на родину солдат и офицеров-инвалидов. Хотя в силу объективных трудностей, оно выполнялось не лучшим образом, показателен факт его существования. В историографии изменились оценки лагерей для военнопленных, существовавших в Российской империи. Если прежде они рассматривались как прообраз лагерей ГУЛАГа, то современные авторы видят в них, скорее, наследие XIX в.: отражение присущих ему идей гуманизма в отношении военнопленных⁵⁷.

⁵⁰ Юнгер Э. В стальных грозах. СПб., 2000, с. 95–96.

⁵¹ Appreciation by the Air Staff of the Scale of Attack, 28.V.1924, Appendix – TNA, CAB/24/175.

⁵² Crawford K.A., Foster S.J. War, Nation, Memory: International Perspectives on World War II in School History Textbooks. Charlotte, 2008, p. 44–45.

⁵³ Военно-воздушные силы РККА (историческая справка). – Российский государственный военный архив, ф. 39352, оп. 1, д. 34, л. 8.

⁵⁴ Henderson I. The Contemporary Law of Targeting: Military Objectives, Proportionality and Precautions in Attack under Additional Protocol I. Leiden, 2009, p. 158.

⁵⁵ Johnson N. Britain and the 1918–19 Influenza Pandemic. A Dark Epilogue. London, 2006, p. 77.

⁵⁶ Feltman B. Tolerance as a Crime? The British Treatment of German Prisoners of War on the Western Front, 1914–1918. – War in History, 2010, v. 17, № 4.

⁵⁷ Нагорная О.С. Военный плен Первой мировой на Восточном фронте: традиции “прекрасной эпохи” и тенденции “тотальной войны”. – Вестник РУДН. Серия “История России”, 2011, № 1; Rachamimov A. POWs and the Great War. Captivity on the Eastern Front. New York, 2002.

Сравнительный анализ сдачи в плен в годы Первой и Второй мировых войн демонстрирует ясное различие. Счет германских солдат, которых каждый месяц брали в плен армии Антанты, с конца июля 1918 г. шел на сотни тысяч. Это отражало и одновременно усугубляло внутренние проблемы германской армии, которая, как демонстрируют современные авторы, проиграла войну отнюдь не из-за предательства в тылу – “удара ножом в спину”⁵⁸. В годы Второй мировой войны поведение германских солдат, как, к слову, и японских, было иным: “Подавляющее большинство германских военнопленных сдалось только после подписания акта о капитуляции”⁵⁹. По мнению британского автора Н. Фергюсона, продолжение сопротивления германских солдат даже после потери каких-либо шансов на победу Германии в войне, было тесно связано с опасением, что в советском плену с ними будут обращаться так же жестоко, как они вели себя в отношении пленных красноармейцев.

В целом, оценка британским экспертом Дж. Киганом Первой мировой войны как “необычно цивилизованной” по сравнению со Второй мировой войной, представляется нам верной. Таким образом, при анализе вопроса о характере и способах ведения Первой мировой войны как “тотальной”, наблюдается двойственная картина. Тенденции к “тотализации” войны за счет усиления роли тыла в военных усилиях государства, милитаризации гражданской жизни, увеличения количества ресурсов, выделяемых на войну, жестокого обращения с военнопленными давали о себе знать. Вместе с тем на пути их доминирования стоял ряд барьеров: от особенностей позиционной войны до сохранения некоторых военных традиций XIX в. и норм международного гуманитарного права.

Была ли Первая мировая война “тотальной” по своим последствиям? Глобальный характер войны серьезным образом сказался на ее последствиях, усилив тенденции к ее “тотализации”. Ведение войны в мировом масштабе, стремление противников играть на интересах держав по всему земному шару, способствовали тому, что принятые в 1914–1918 гг. военные, политические и экономические решения имели колоссальные последствия. По мнению Стрэчана, “многие из ошибок, совершенных в межвоенные годы, имеют корни не столько в мирном договоре 1919 г., сколько в ведении войны в 1914–1918 гг. Чтобы вести войну, Антанта потворствовала японским амбициям в Китае в 1914–1915 гг., ради преследования которых Япония порвала с Лигой Наций и в 1937 г. напала на Китай, начав тем самым (по мнению автора. – *И.М.*) Вторую мировую войну. Чтобы вести войну, Германия искала союза с Османской империей, запустив тем самым процессы, которые привели Великобританию (также в силу необходимости вести войну) к даче противоречивых обещаний французам и арабам на Ближнем Востоке. Наконец, чтобы лучше вести войну генералы русской армии участвовали в свержении царя в марте 1917 г., позволив тем самым Германии более эффективно реализовать свою стратегию использования революции как средства ведения войны”⁶⁰.

Одним из глобальных последствий “Великой войны” стал распад четырех империй: Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской. Хотя британские и французские колониальные владения достигли после 1918 г. своего максимального расширения, ряд факторов (вклад, внесенный колониями в войну; рост национальных устремлений их населения; появление на международной арене таких сил, как Советская Россия и вильсонизм, с разных позиций, но критиковавших колониализм) подтачивал стабильность великих колониальных держав.

В результате упадка четырех империй серьезнейшим образом менялся баланс сил в Европе и на Ближнем Востоке. Исчезновение даже одной из них, Австро-Венгерской,

⁵⁸ *Deist W.* The Military Collapse of the German Empire: The Reality Behind the Stab-in-the-Back Myth. – *War in History*, 1996, v. 3, № 2.

⁵⁹ *Ferguson N.* Prisoner Taking and Prisoner Killing in the Age of Total War: Towards a Political Economy of Military Defeat. – *War in History*, 2004, v. 11, № 2, p. 169.

⁶⁰ *Strachan H.* The First World War as a Global War. – *First World War Studies*, 2010, v. 1, № 1, p. 12.

имело огромные последствия: было ликвидировано государство, являвшееся одной из основ относительной международной стабильности XIX в. Черчилль в 1943 г. надеялся на то, что после войны будет создана “Дунайская федерация с центром в Вене, которая могла бы заполнить пробел, образовавшийся в результате исчезновения Австро-Венгерской империи”⁶¹.

Наличие евро-азиатских империй не означало полной стабильности и отказа от насилия в международных отношениях, однако этот фактор оказывал сдерживающее влияние на “интернационализацию” войн. Империи, активно применяя насилие на подконтрольных им территориях, вместе с тем одним фактом своего существования ограничивали количество государств – потенциальных участников конфликтов, сдерживали развитие националистических устремлений, поддерживали имперскую солидарность, родственные связи и общие ценности.

В целом, можно согласиться с Фергюсоном, который, считал, что коллапс империй, наряду с усилением фактора этнической (или расовой) принадлежности и экономической нестабильностью, сыграл одну из ключевых ролей в том, что войны и применение насилия в XX в. достигли небывалого масштаба⁶².

Наряду с гибелью четырех империй, важнейшим последствием Первой мировой войны, напрямую связанным с тенденцией к “тотализации” ее ведения, стал процесс трансформации роли государства. Вмешательство государства в экономику серьезно усилилось. Показателен пример Великобритании, славившейся своей либеральной традицией оценки государства как “ночного сторожа”. Создание министерства вооружений (1915 г.) было началом “серьезного расширения полномочий государства по экономическому контролю над существенными секторами промышленности”. Министерство не только “обеспечивало финансовые субсидии машиностроительным предприятиям для расширения их производственных возможностей”, но и “создало принадлежавшие государству фабрики и верфи”. Внедрение автоматического или полуавтоматического машинного оборудования способствовало стандартизации и массовому производству, “фирмы-подрядчики были стимулированы на объединение своих интересов и проведение совместных исследовательских и опытно-конструкторских программ”⁶³.

Заинтересованность государства в людской силе, наряду с необходимостью поддерживать лояльность как тыла, так и фронта, служила стимулом для расширения мер социальной политики. Государство, требуя от матерей все новых “сынов Отчизны”, оказывало им и определенную поддержку. Во Франции в годы Первой мировой войны расширилась система государственной помощи при рождении ребенка; в Париже количество женщин, получавших ее, увеличилось с 60 до 97%. Сенатор Л. Буржуа, положительно отзываясь об этих мерах, писал: “что волнует мужчин, которые сражаются, которые рискуют своими жизнями? Крайне важно для них знать, что происходит с женами и детьми, которых они оставили дома, позади себя. Они уверены, что с материальной точки зрения поддержка оказывается всем”⁶⁴.

Необходимость мобилизации огромного количества ресурсов на ведение боевых действий привела к тому, что война “глубоко перепахала” европейские общества. Тенденцию к милитаризации гражданской жизни усиливало присутствие почти во всех социумах ветеранов боевых действий, приносящих в мирную жизнь фронтовые привычки и традиции. Масштабные денежные затраты государств, отмена “золотого стан-

⁶¹ The Structure of a Post-War Settlement, Memorandum by Churchill, 10.VI.1943. – TNA, CAB/66/37.

⁶² Ferguson N. The War of the World: Twentieth-Century Conflict and the Descent of the West. New York, 2006.

⁶³ Kirby M.W. The State and the Economy, 1900–1939. – A Companion to Early Twentieth Century Britain. Oxford, 2003, p. 234; Соловьев С.А. Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы Первой мировой войны. М., 1985.

⁶⁴ Roseman M.J. The Great War and the Modern Motherhood. La Maternité and the Bombing of Paris. – Women and War, p. 47.

дарта”, этого символа благополучной довоенной жизни, рост инфляции – все это было по средним слоям общества, расшатывая имевшиеся социально-политические системы и нередко способствуя распространению фашистских и нацистских идей. В этом отношении, хотя “война и не может рассматриваться как единственный источник фашизма, то без войны было бы маловероятным, что такое движение, как фашизм, состоялось”⁶⁵.

Одним из ключевых социальных последствий “Великой войны” стала эмансипация женщин, чья занятость в промышленности и иных секторах экономики резко возросла в 1914–1918 гг. Получение женщинами избирательных прав (в Германии и Великобритании в 1918 г., в США в 1920 г.) было важным этапом на пути к гендерному равноправию.

Таким образом, по своим последствиям Первую мировую войну вполне можно назвать “тотальной”. В результате событий 1914–1918 гг. мир изменился почти до неузнаваемости: от геополитической карты и роли государства в экономике до социальных и гендерных отношений в отдельных странах.

Тем самым, в целом, ответ на вопрос, была ли Первая мировая война первой “тотальной”, является отрицательным. “Тотальной” в полном смысле слова она так и не стала. В 1914–1918 гг. прослеживались серьезные тенденции к “тотализации” войны, однако ряд факторов не дал им полностью реализоваться. Лишь по масштабу последствий Первую мировую войну можно считать действительно “тотальной”.

Этот вывод важен не столько сам по себе, сколько в силу следствий, из него вытекающих. Первое из них – дальнейшая разработка проблематики “тотальной войны” перспективна, однако требует совершенствования методологии исследований. “Тотальная война” – крайне сложное и внутренне неоднородное понятие, один и тот же конфликт может быть “тотальным” по своим последствиям и одновременно не являться таковым по своей сути, характеру и способам ведения. Более того, тенденция к “тотализации” по одному из направлений может противоречить той же тенденции по другому из них.

Важно и второе следствие, уже отмечавшееся в литературе⁶⁶: конфликт, являющийся “тотальным” для одной стороны, вовсе не обязательно является таковым для другой. Более того, есть немалые основания предполагать, что чем слабее сторона, тем более “тотальным” может обернуться для нее война.

Отсюда вытекает и третье следствие – Первая мировая война, с позиции наблюдателя начала XXI в., с большей основой претендует на звание не первой “тотальной”, а первой “современной войны”⁶⁷. По словам англо-американского политолога К. Грея, к 1918 г. война на суше представляла собой “совместные действия четко скоординированных общевойсковых соединений, характеризовавшиеся действиями подавляющей артиллерии, боевых групп пехотинцев-лазутчиков, поддерживаемых бронетанковыми силами, тактической авиации, обеспечивающей непосредственную поддержку. Элементы “стодневной кампании” союзников осени 1918 г. были бы полностью знакомы солдатам 1945 г. или 1991 г., вернись они назад в прошлое”⁶⁸.

Под “современной войной” понимается конфликт, по своей сути противоположный “тотальной войне”. Он ведется с помощью новейших передовых военных средств и технологий, позволяющих более развитому государству добиться победы, не дав насильно “расползтись”, не доводя противостояние до состояния “тотальной войны”⁶⁹. Первая мировая война характеризовалась относительным равенством сил враждовавших коалиций, что стало важным импульсом ее “тотализации”. Чтобы победить примерно равного

⁶⁵ *Becker J.-J.* Autant en emporte la guerre. Les régimes politiques à l'épreuve. – Vingtième Siècle. Revue d'histoire, 1984, v. 3. № 1, p. 85.

⁶⁶ *Black J.* The Age of Total War, 1860–1945. Westport, 2006, p. 9.

⁶⁷ *Bailey J.B.* The First World War and the Birth of the Modern Warfare. – The Dynamics of Military Revolution, 1300–2050. Cambridge, 2003, p. 132–153.

⁶⁸ *Gray C.S.* Modern Strategy. Oxford, 1999, p. 202.

⁶⁹ *Strachan H.* Essay and Reflection: On Total War and Modern War. – The International History Review, 2000, v. 22, № 2, p. 355.

по силе противника, государствам пришлось мобилизовать ресурсы в невиданном ранее масштабе, приблизив войну к “тотальной”.

Анализ Первой мировой войны указывает на “рубежность” событий 1914–1918 гг., их место на грани XIX и XX вв. “Великая война” в том виде, в каком она произошла, была возможна лишь на базе достижений “двойной революции” (Великой Французской и промышленной) и “долгого девятнадцатого века”, как его назвал Хобсбаум. Эта война дала возможность европейским правительствам набирать массовые армии из лояльных граждан, связанных с государством чувством национальной принадлежности, и вооружать эти армии могучей разрушительной военной техникой. Наследие XIX в. позволило вооруженной борьбе достичь мирового масштаба, но вместе с тем и сдерживало его за счет ряда факторов: отсутствия “тотальных государств” и “тотальных идеологий”, сохранения гражданским обществом возможностей для протеста, новизны опыта войны, близкой к “тотальной”.

Если в 1914 г. ни одна страна не готовилась к “тотальному” конфликту, то в 1939 г. ситуация в мире была во многом иной. По словам британского историка Р. Овери, “военные приготовления в 1930-е годы везде определялись императивами тотальной войны”⁷⁰. Современники Второй мировой войны отмечали тот факт, что “тотальная война милитаризовала мир... Даже в Первую мировую войну мероприятия экономической или психологической войны начались лишь после... первого выстрела. В нацистской хронологии событий начало военных действий является успешным завершением первой главы”⁷¹. Статистические исследования военных расходов держав в 1930-е годы демонстрируют схожую тенденцию: “Начало войны не является шоком для большинства держав – их военные расходы начинают приводиться в режим военного времени еще до начала военных действий”⁷².

Тем самым, хотя Первая мировая война не была “тотальным” вооруженным противостоянием в полном смысле слова, ее анализ позволяет по-новому взглянуть на ряд аспектов “века тотальной войны”. События 1914–1918 гг. демонстрируют масштаб последствий, которые влекли за собой столкновения великих держав в новых условиях, указывают на колоссальную роль войны как механизма трансформации не только системы международных отношений, но и самих государств, их функций и особенностей существования.

⁷⁰ *Overy R.* Total War II: The Second World War. – The Oxford Illustrated History, p. 121.

⁷¹ *Gyorgy A.* The Geopolitics of War: Total War and Geostrategy. – The Journal of Politics, 1943, v. 5, № 4, p. 353.

⁷² *Тимофеев И.Н.* Дилемма безопасности: риск вооруженного конфликта между великими державами. – Полис, 2009, № 4, с. 19.